

не только примиреніе съ прежними противниками, но и возобновленіе тѣсной дружбы между нынѣшними тремя имперіями. Этимъ не затрогивались наши собственныя отношенія къ Россіи; наша дружба съ Россією не подвергалась никакому перерыву во время нашихъ войнъ и остается теперь выше всякаго сомнѣнія... Какой интересъ имѣли бы мы искать ссоры съ Россією? Простая драчливость всего менѣе могла бы побудить насъ къ этому. Что нападеніе послѣдуетъ съ русской стороны—я также не вѣрю; не думаю также, чтобы Россія искала союза противъ насъ, или чтобы она пожелала воспользоваться затрудненіями, какія могутъ возникнуть для насъ съ другой стороны, чтобы напасть на насъ... Мы не будемъ имѣть разлада съ Россією, если мы не станемъ искать его въ Болгаріи. Замѣчательно, что именно газеты той партіи, которая возстаетъ противъ предложенія правительства, недавно еще дѣлали все возможное, чтобы заставить насъ воевать съ Россією. Я вынесъ тогда такое впечатлѣніе, что намъ предлагаютъ послѣпить въ Болгарію, чтобы тамъ, гдѣ-нибудь въ Турціи, найти для ссоры поводъ, котораго мы здѣсь не находимъ. Я заслуживалъ бы, чтобы меня предали суду за государственную измѣну, если бы я хоть на одну минуту вздумалъ пуститься въ подобныя глупости. Я былъ глубоко огорченъ, когда видѣлъ этотъ удивительный паѳосъ, съ какимъ нѣмецкая пресса стремилась втянуть насъ въ войну съ Россією. Читая эти патетическія декламациі, я невольно вспомнилъ сцену изъ „Гамлета“, гдѣ актеръ проливаетъ слезы о судьбѣ Гекубы, и Гамлетъ восклицаетъ, употребляя выраженіе, не пріобрѣвшее еще права гражданства въ парламентахъ: „негодяй“, или чтѣ-то въ этомъ родѣ.—„что ему Гекуба?“ Такъ подумалъ и я: что значатъ эти декламациі? Что намъ Болгарія? Для насъ совершенно безразлично, кто управляетъ въ Болгаріи и что вообще сдѣлается съ Болгарією. Повторяю: весь болгарскій вопросъ не есть для насъ вопросъ войны; никому не удастся посорить насъ съ Россією изъ-за этого вопроса. Дружба Россіи важнѣе для насъ, чѣмъ дружба Болгаріи и всѣхъ ея друзей, оказавшихся въ нашей странѣ“.

Чрезвычайно любопытны объясненія князя Бисмарка по поводу отношеній съ Францією; между прочимъ, оказывается, что онъ былъ склоненъ ничего не отрѣзывать отъ французской территоріи, и что присоединеніе двухъ провинцій было рѣшено, главнымъ образомъ, военными авторитетами. „Между нами и Францією,—говорилъ далѣе канцлеръ:—дѣло мира затрудняется тѣмъ, что между обѣими странами ведется долгій историческій процессъ относительно проведенія границы. Ни одно поколѣніе въ Германіи не обходилось безъ войны изъ-за этого спора о границѣ. Миръ, заключенный вновь съ французскимъ государствомъ, имѣетъ ли окончательное значеніе, или